

Научная статья
УДК 316.722 (304.2)
DOI: 10.20323/1813-145X_2023_6_135_204
EDN: UQMJDB

Места памяти города: концепт и типология

Федотова Наталья Геннадьевна

Кандидат философских наук, доцент Научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика», Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41
fedotova75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4225-3666>

Аннотация. Статья посвящена культурологическому анализу концепта «место памяти города» как одному из способов хранения и трансляции фрагментов культурной памяти на той или иной территории. Обращение к концепту «место памяти города» открывает перспективу систематизации и типологизации разнородных явлений и объектов в подчиненную единой логике целостную структуру культурной памяти города. Между тем в науке отсутствует устоявшееся понимание понятия «место памяти города», а у исследователей наблюдаются неоднозначные трактовки данного феномена, что осложняет перспективы исследований в данном направлении. Автор, анализируя исследовательский опыт изучения мест памяти, опираясь на культурологическую парадигму и коммуникативно-семиотическую методологию, предпринимает попытку анализа концепта «место памяти города» как локализованного фрагмента городского пространства, хранящего и транслирующего образы городского прошлого.

В статье раскрываются особенности места памяти города как теоретической категории, выявляются функции данных мест по отношению к городу, определяется соотношение концепта «место памяти города» с носителями памяти и коммеморативными практиками. Автор отмечает многообразие существующих в современных городах мест памяти, которое обусловлено не только спецификой городов (исторические, малые, промышленные, туристические и пр.), но особенностями репрезентации места памяти в пространстве города. Типы мест памяти города рассматриваются в зависимости от: а) знаковых средств кодирования места памяти города, б) способов локализации места памяти в городском пространстве, в) способов возникновения мест, г) уровня социальной значимости фрагмента памяти для горожан, д) видов знаковых референтов (объектов идентификации), е) способов крепления символической связи между местом памяти города и событием прошлого.

Ключевые слова: город; место памяти города; средства кодирования; референт; культурная память; образ городского прошлого; тип места памяти

Для цитирования: Федотова Н. Г. Места памяти города: концепт и типология // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 6 (135). С. 204-213. http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_6_135_204. <https://elibrary.ru/UQMJDB>

Original article

City memory places: the concept and typology

Nataliya G. Fedotova

Candidate of philosophical sciences, associate professor of Scientific and educational center «Humanitarian urban studies», Novgorod state university named after Yaroslav the Wise. 173003, Veliky Novgorod, B. Sankt-Peterburgskaya st., 41
fedotova75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4225-3666>

Abstract. The article is devoted to the culturological analysis of «city memory place» concept as one of the culture memory fragments storing and broadcasting ways on one or another territory. The appeal to the «city memory place» concept opens up the prospect of heterogeneous phenomena and objects systematization and typologization into a culture city memory integral structure subordinated to a single logic. Meanwhile researches have an ambiguity in the interpretation of the «city memory place» concept and a lack of this phenomenon established understanding which complicates the prospects for research in this direction. The author through the systematization existing research experience, basing on culturological paradigm and communicative-semiotic methodology, make an attempt to represent

one of the «city memory place» concept conceptualization working models as a city space localized fragment, city past images storing and broadcasting.

The article reveals the city memory place peculiarities as a theoretical category, identifies the functions of these places in relation to the city, determines the relationship between city memory place concept, memory carriers and commemorative practices. The author notes the existing in modern cities memory places diversity which is driven by not only the specific of the cities (historic, small, industrial, tourist and others), but the memory place representations peculiarities in urban space. The types of city memory places are considered depending on a) symbolic means encoding a city memory place; b) city memory place localization ways in urban space c) ways of places occurred ; d) the memory fragments social significance level for citizens; e) the kinds of sign referents (objects of identification); f) ways of symbolic connections attachments between city memory place and event of the past.

Key words: city; place of memory of the city; cultural memory; image of the urban past; type of memory place

For citation: Fedotova N. G. City memory places: the concept and typology. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2023; (6): 204-213. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_6_135_204. <https://elibrary.ru/UQMJDV>

Введение

Научный интерес гуманитариев к культурной памяти и различным практикам ее генерирования, репрезентации в социальном пространстве растет с каждым годом. Актуальность такого рода исследований во многом объясняется теми «разрывами» в процессах структурирования коллективных идентичностей, которые стали следствием глобализации и цифровизации общества. Следует согласиться с мнением современных ученых о том, что «для историков и культурологов, социологов и психологов, но – также – для практиков социально-политической сферы память является то предметом дискуссий, то щитом от новых жизненных веяний, то фундаментом национального единения» [Злотникова, 2020, с. 201].

Кроме того, интерпретация образов коллективного прошлого и смыслов, объясняющих это прошлое, является важнейшим фактором, определяющим структурирование реальности в самых разных сообществах. Сегодня мы можем рассматривать прошлое как площадку, «на которой можно бороться не только за интересы и ресурсы..., но и за ту самую идентичность, которая в первую очередь поддерживает и организует эти интересы» [Olick, 2016, p. 49].

Особое место в гуманитарных исследованиях, объединяющих научные изыскания в области гуманитарной урбанистики и «memory studies», занимает проблематика культурной памяти города. В данном контексте культурная память конструируется вокруг образов городского прошлого, которые представлены в многообразных локусах и практиках города. Значимость таких исследований для культуролога объясняется тесной корреляцией культурной памяти города с про-

цессами структурирования городской идентичности и образности, городского воображаемого, с механизмами формирования городского самосознания, причастности горожан к городу.

Среди возможных направлений культурологического анализа коллективной памяти, приобретающих особую актуальность в контексте городской культуры и символического ландшафта городского пространства, следует отметить исследования способов хранения и трансляции образов городского прошлого. В работах современных российских исследователей выявлены особенности репрезентации образов прошлого в пространстве современного города. Ученые фиксируют практики, благодаря которым формируются памятные структуры и репертуар памятных мест в каждом конкретном городе, в частности, на примере памяти о Великой отечественной войне. Т. И. Ерохина приходит к выводам о постпамяти и контрпамяти, представленных в дискурсах мифологизации, идеализации и героизации событий этой войны [Ерохина, 2017]. В работах Т. С. Злотниковой театр рассматривается как один из важнейших средств трансляции культурной памяти о войне, который в ярких и насыщенных образах героев раскрывает высоко нравственные и негативные аспекты военных действий [Злотникова, 2020].

Между тем, исследования способов хранения и трансляции образов городского прошлого нередко сосредоточено вокруг места памяти как ключевой единицы материальной локализации культурной памяти на той или иной территории. Важнейшую роль в концептуализации феномена «место памяти» сыграл Пьер Нора, который впервые обосновал его значимость для исследований коллективных форм памяти. Под местом памяти он понимает «останки прошлого» или

«утрачиваемое нами прошлое, которое еще живо где-то в сознании социальной группы, но в скором времени может исчезнуть навсегда» [Нора 1999, с. 26]. Как подчеркивает Алейда Ассман, места памяти (мемориальные места) представляют собой недвижимые свидетельства прошлого, они связывают настоящее и прошлое, «такое место индивидуализировано своим именем (топонимом) и историей... место в отличие от пространства связано с человеческими судьбами, переживаниями, воспоминаниями» [Ассман, 2014, с. 354].

Между тем, в данном направлении исследований следует обозначить городской контекст, что предполагает акцент на местах памяти города – тех местах памяти, которые аккумулируют культурную память города. Само по себе указание на место позволяет исследователю использовать пространственную рамку города, где процессы воспроизводства коллективных воспоминаний рассматриваются сквозь призму их локализации в городском пространстве. Кроме того, обращение к концепту «место памяти города» открывает перспективу систематизации и типологизации разнородных явлений и объектов в подчиненную единой логике целостную структуру культурной памяти города.

Методы исследования

Исследовательская логика данной работы основана на междисциплинарном подходе, поскольку, как показывает практика, изучение мест культурной памяти требует обобщений и заключений, которые нередко находятся на пересечении исторического, социологического, политологического или философского знания. Между тем, именно культурологическая парадигма обладает интегративным видением, объединяющим исследовательские контексты и различные факторы символического кодирования мест памяти, формирующих актуальную повестку памятования и определяющих ценность образов городского прошлого. В частности, мы придерживаемся научных тенденций Ярославской культурологической школы, акцентирующей внимание на процессах репрезентации и интерпретации культурных смыслов, сквозь призму которых возможно и рассмотрение проблематики места памяти города. Это, в том числе, позволяет нам рассматривать места памяти города в рамках таких категорий, как коды, тексты, образы, ценности, тексты, охватывая целый комплекс городских практик.

В связи с этим, теоретическим базисом, организующим стратегию исследования мест памяти города, является коммуникативная (трансляция памятной информации посредством знаковых посредников) и семиотическая (кодирование и дешифровка мест памяти) методология, подробно раскрытая в работах У.Эко и Ю. Лотмана. В частности, Ю. Лотман отмечает, что в процессе коммуникации важна генерирующая смыслопорождающая функция общения текста, поскольку отправляющий и принимающий информацию, даже при условии взаимопонимания, представляют собой разные механизмы [Лотман, 2022, с. 14]. Отсюда, мы рассматриваем места памяти города как смыслы, выраженные в материальной форме, которые обладают, как и тексты «многократной интерпретацией» [Лотман, 2022, с. 13]. Соответственно, конструктивистский метод нацеливает воспринимать места памяти города как многослойный конструкт, требующий актуализирующего контекста, благодаря которому отдельные фрагменты прошлого становятся значимыми для горожан. Концептуализация понятия «мест памяти города» осуществляется с позиции семантического анализа, предполагающего выявление смыслового ядра данного понятия и его существенных характеристик.

Кроме того, места памяти города понимаются нами исходя из культурологического взгляда на коллективную память, представленного в работах немецкой школы исследователей (Я. Ассман, А. Эрл, А. Ассман), определяющего и нашу позицию к концепту «место памяти города».

Постановка проблемы

Проблематика исследований мест памяти города во многом связана, прежде всего, с отсутствием единого в науке общепринятого понятие «место памяти». Так, Пьер Нора понимает под местом памяти объекты материального или нематериального характера, которые с течением времени благодаря усилиям множества людей приобретают символический характер и становятся элементом памяти [Nora, 1996]. К таковым он относит музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, протоколы, монументы, храмы, ассоциации и многое другое [Нора 1999, с. 26].

Поэтому нередко исследователи трактуют понятие «место памяти» весьма широко. В итоге «проблемы с дефиницией понятия обернулись тем, что в исследовательской литературе «lieu de mémoire» чаще используются как метафора...

Нора предостерегал против понимания своего проекта как туристической прогулки по истории Франции, но именно это и произошло» [Головашина, 2022, с. 25]. Действительно, в нашем случае, весь город, особенно если он исторический, может быть представлен как совокупность мест памяти, рассказывающих о прошедших в городе событиях.

Широкий контекст понимания «места памяти», который не ограничивается территориальными рамками, характерен и для ряда российских исследований, в частности, для таких, которые связаны с изучением процессов формирования городского имиджа. Например, к местам памяти Санкт-Петербурга, авторы относят как места, связанные с блокадой и Великой Отечественной войной (скульптура Родина-Мать и пр.) или места памяти, связанные с именами государственных деятелей, деятелей искусства (Петр I, Александр Невский), так и места, связанные с современными «имиджевыми» составляющими города (белые ночи, ФК «Зенит», корюшка и пр.) [Портнягина, 2023]. Такой разброс в понимании мест памяти осложняет дифференциацию научного дискурса вокруг данной проблематики и поиск устойчивых корреляций при проведении эмпирических исследований.

С другой стороны, по мнению А. Ассман, «место памяти» непосредственно связано с материальным воплощением событий прошлого в следах и знаках, которые могут приобретать особое значение для отдельных сообществ, а могут и забываться. В связи с этим, пространство города «насыщен «местами» и целыми системами «мест», сложившимися исторически, в результате деятельности разных субъектов, находящимися между собой в разных отношениях» [Assmann, 2018]. Такой позиции придерживаются и ряд российских исследователей, полагая, что места памяти в этом случае понимаются как памятные места города (мемориалы, особые места встреч), которые можно назвать «способом символической реконструкции определенного взгляда на прошлое» [Стрельникова, 2012, с. 233].

Неоднозначность трактовки понятия «место памяти города» и отсутствие устоявшегося в гуманитарной науке понимания данного феномена, требуют от исследователей постоянной конкретизации своей трактовки понятия или, как минимум, выбора позиции. Кроме того, данная ситуация вызывает и вопросы о том, следует ли относить к местам памяти города цифровые сервисы

и интернет-блоги, которые сегодня стали ключевыми коммуникативными площадками, аккумулирующими образы городского прошлого. Наконец, по мнению ряда авторов, исследования места памяти города требует «специальной научной методологии, что позволит перейти от уже пройденного этапа описания отдельно взятых памятников и «мест» к изучению динамики мемориального пространства города, как системы» [Вальдман, Красильникова, 2021, с. 143]. В связи с этим, путем систематизации имеющегося исследовательского опыта и опираясь на обозначенную методологию, предложим один из вариантов концептуализации понятия «место памяти города» и раскроем типологию таких мест, что позволит определить первичные устойчивые теоретические рамки в данном направлении исследований.

Результаты исследования

Исходя из обозначенной выше проблемы данного исследования отметим, что устойчивость смысловых граней концепта «место памяти города» во многом зависит от понятия «место» как семантической единицы, задающей логику структурирования памятной информации в городском пространстве.

Марк Оже на примере исследования современных городов определяет место как «антропологическое» пространство, соединяющее в себе прошлое и современность, «создающее идентичность, формирующее связи и имеющее отношение к истории» [Оже, 2017 с. 36]. Напротив, «неместа» понимаются им как места, «лишенные своего смысла, без назначения, которые порождают новые масштабы коммуникационных связей и перемещений в постиндустриальном обществе [Augé, 1992, с. 100]. В связи с этим, подчеркнем, что места города поддерживают идентичность, они устанавливают символическую связь с горожанами, и в этих обустроенных пространствах (местах) мы воображаем город и отождествляем себя с ним.

Обращаясь же к категории «места памяти», отметим, что оно, говоря словами П. Нора, является таковым в трех измерениях – материальном, символическом и функциональном. Но здесь следует подчеркнуть, что символическое измерение особенно важно с позиции ученого, поскольку «даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если вообра-

жение не наделяет его символической аурой» [Нора, 1999, с. 40].

Места памяти обеспечивают связь коллективных представлений сообществ со значимыми событиями прошлого, которые нередко происходили именно на данной территории. По мнению Френсис Йейтс, с древних времен сообщества выбирали сакральные места, которые бы позволяли транслировать образы прошлого (например, образы военной победы или основания города) и запоминать «слова» и «вещи». Так, «если мы хотим запомнить какую-нибудь лошадь, льва или орла, мы должны поместить в определенные места их образы» [Йейтс, 1992, с. 18]. Как полагает Ян Ассман, культурная память как таковая имеет символический характер, то есть «может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций» [Assmann, 2011, р. 23]. Символическая природа мест памяти позволяет рассматривать сооружения, площади, природные объекты как культовые, знаковые места, заключающие в себе и выражающие образы прошлого.

Интерпретация знакового места связана «с конкретными локальными традициями (как индивидуальными, так и групповыми) мемориализации и символизации важнейших событий прошлого, становящихся... значимыми в настоящем» [Замятин, 2020, с. 31]. Причем именно локализация места памяти в пространстве города в виде материальных объектов (стены, вывески, мемориальные таблички, деревья, крылечки и пр.) обеспечивают прочную фиксацию образа городского прошлого и тем самым становятся частью культурного кода сообщества, представляющего и закрепляющего в физических формах значимые для города смыслы как настоящего так и будущего. Задачей места памяти «является возвращение тех или иных событий прошлого в настоящее», и такое осовременивание происходит в пространственной локализации за счет «устойчивых форм сохранения», а во времени – за счет «устойчивых форм повторяемости» [Ассман, 2014, с. 354], что обеспечивает коллективные воспоминания через переживание прошлого. Подобный взгляд отчасти характерен и для тех, кто исследуют пространство города через территориальную локализацию культурной памяти. В частности, как отмечают российские исследователи, «такие места содержатся в социальном пространстве города и задают его уникальность... они позволяют проследить связь между социальными акторами (горожанами) и социаль-

ным пространством» [Веселкова, Прямыкова, Вандышев, 2016, с. 15].

Через устойчивые материальные формы места памяти фиксируются в пространстве путем присутствия в городской среде «культурных ориентиров, несущих память о городе» в пространственном измерении, помогая распознавать и идентифицировать город [Gao, 2020, р. 426]. Встроенные в городское пространство материальные элементы культурного наследия (например, архитектурные композиции или скверы) формируют так называемое «чувство места» [Жердева, 2015] и тем самым укрепляют идентичность горожан. Чувство места в городской среде обеспечивается именно «физически построенной тканью, которая хранит как личную, так и культурную память благодаря долгой связи с сообществами» [Hussein, Stephens, Tiwari, 2020, р. 264]. Представленный в камне, дереве, граните город есть не что иное как материальное наследие, «память которого передается в течение долгого времени через физические носители, такие как здания или памятники» [Prata, 2020, р. 445]. А их реконструкция, снос или демонтаж свидетельствуют о пересмотре оценки к событиям прошлого, к изменению репертуара культурной памяти [Hussein, Stephens, Tiwari, 2020, р. 264].

Таким образом, обобщая сказанное, подчеркнем, что места памяти города – это локализованные в городе фрагменты пространства, хранящими и транслирующими образы городского прошлого. Опираясь на такую интерпретацию данного понятия, отметим их основные функции. Места памяти города:

- выполняют роль материального посредника, который передает поколениям наиболее значимые смыслы коллективного прошлого (религиозные символы, образы сражений и побед, образы выдающихся личностей и их достижений и пр.);

- аккумулируют опыт города и манифестируют значимость определенных образов городского прошлого через семантику пространственных форм (военные события в городе, основание города и пр.);

- несут идентификационный код города, закрепляя его отличия от других городов, формируя сопричастность к городу и коллективные представления об уникальности города и обеспечивают культурную преемственность;

Для того, чтобы обеспечить актуальность мест памяти города, необходима, как показывает

практика, поддержка сопутствующими нарративами (например, мифологией), топонимами, творчеством, ритуалами, документами, исследованиями, которые закрепляют транслируемые образы в настоящем и позволяют эмоционально переживать данные фрагменты памяти. Причем нередко места памяти города являются частью дизайна городской среды, а их пространственная репрезентация, как правило, вызывает дискуссии среди архитекторов, урбанистов, горожан.

Между тем, чтобы закрепить смысловое ядро концепта «место памяти города» и системно устанавливать соотношение мест памяти города с другими явлениями (например, с городскими событиями или художественными фильмами) отделим его от смежных понятий, которые также осуществляют сохранение и трансляцию памятной информации.

Во-первых, места памяти города мы относим к категории носителей (или медиаторов) памяти, которые закрепляют и передают фрагменты культурной памяти города следующим поколениям. Носитель культурной памяти является «тем знаковым посредником, ключевая функция которого состоит в аккумулировании и трансляции культурных смыслов города, образующих символическую матрицу городской памяти» [Федотова, 2019, с. 46]. Сюда относятся, например, вербальные и визуальные носители, жесткие носители (места памяти города) и мягкие носители (фотография, кинематограф, логотип, музыка и пр.).

Во-вторых, места памяти города следует отделять от коммеморативных практик, назначение которых состоит в актуализации тех образов прошлого, которые «упакованы» в носителях. Коммеморативные практики поддерживают культурную память через коммуникативные процессы, поскольку память живет «благодаря общению, и если оно обрывается, или соответствующие рамки передаваемой реальности исчезают или изменяются, то наступает забвение» [Алексеева, 2020, с. 95]. Коммеморация – это всегда действие, коммуникация. Такое действие может осуществляться как в рамках ведения интернет-блога, освещающего фрагменты городского прошлого, так и при проведении городского фестиваля, исторической реконструкции памятной даты (перформативная коммеморация).

Подобные тезисы позволят нам создать первичный теоретический фундамент для дальнейшей концептуализации данного феномена.

Многообразие существующих в современных городах мест памяти обусловлено не только спецификой городов (исторические, малые, промышленные, туристические и т. д.), но особенностями репрезентации места памяти в пространстве города: от появления, установки, размещения места памяти до отношения к нему со стороны городских сообществ. В результате каждый город может иметь свое мемориальное пространство как индивидуальную совокупность мест памяти города.

Чтобы раскрыть многообразие мест памяти российских городов, обратимся к возможным типам мест памяти города исходя из семиотических особенностей знаков, транслирующих собой смыслы, исходя из способов кодирования информации, возникновения знаков и пр.

а) В зависимости от знаковых средств кодирования фрагментов городского прошлого места памяти города могут быть визуальными и вербальными, а также аудиальными, тактильными и пр. Образ городского прошлого по-разному кодируется в месте памяти, однако преимущественно это происходит с помощью визуальных знаков, которые могут нести знаковую функцию через самые разные объекты, например, природные (сирень как любимое растение композитора является частью места памяти Сергея Рахманинова в Великом Новгороде) или объекты, созданные людьми с помощью различных материалов (бронзовая скульптурная композиция, изображающая Сергея Рахманинова, опирающегося на скамейку в Кремлевском парке Великого Новгорода). Вербальные же знаки могут доминировать в тех местах памяти города, в которых, они выступают в качестве объекта городской среды (например, памятник букве «Ё» в Ульяновске).

б) Исходя из способов локализации в городском пространстве места памяти города могут различаться по нескольким основаниям, в частности, можно выделить места памяти как часть городской архитектуры и дизайна городской среды (архитектурные сооружения – храмы, дворцы и пр.) и места памяти, расположенные обособленно. В исторических городах целые архитектурные комплексы как знаковые здания и сооружения, органично вписанные в городской дизайн, становятся местом памятования событий прошлого. Например, расположенная в историческом центре города Ярославля Церковь Ильи Пророка хранит память не только об архитектурных традициях российских мастеров и уникальных образцах фреско-

вой росписи российских мастеров, но и транслирует собой значимость для города православной культуры. С другой стороны, существуют места памяти в российских городах, которые расположены отдельно, не вписываясь в архитектурный ландшафт города, например, мемориальные комплексы. Таковым является мемориальный комплекс «Журавли» в Саратове, расположенный на Соколовской горе, как памятный знак саратовцам, погибшим во время Великой отечественной войны.

в) Места памяти города могут различаться и *по способу их возникновения*. Во-первых, место памяти города может представлять собой естественное место (иконический знак), не созданное специально, которое хранит в своих формах символическую связь с событиями прошлого. Например, к естественным местам памяти, которые не устанавливались целенаправленно людьми, следует отнести руины как особого рода хранителя смыслов, который за счет своей физической привязки к данной территории и с помощью разрушенных визуальных форм транслирует фрагменты исторического прошлого данного города. Например, в Великом Новгороде одним из таких мест памяти является Рюриково городище, на территории которого находятся величественные руины Благовещенского собора, представляющего собой археологический памятник IX века и свидетельствующий о призвании и княжении варягов и первого князя Древней Руси Рюрика. Во-вторых, место памяти города может представлять собой целенаправленно созданный и спланированный объект (в семиотике – символический знак), искусственно спроектированный для того, чтобы напоминать современникам о прошедших в данном месте событиях. К таковым следует отнести различные установленные мемориалы, памятные доски, бюсты, которые увековечивают образы, связанные так или иначе с городом.

г) Места памяти города в зависимости *от уровня социальной значимости фрагмента памяти для горожан* могут быть национальными (хранящими память народа), локальными (хранящими память событий в истории города) или субкультурными (хранящими память конкретных городских сообществ или субкультур – музыкальных, спортивных и иных). Выявление таких типов места памяти позволит разделить и систематизировать эти места, раскрыть идентификационные связи между местами памяти и со-

циальными группами, которые их поддерживают. Это, в свою очередь, позволит выявить мемориальную семантику города, понять и спрогнозировать значимость всей совокупности мест памяти исходя из социальных и культурных факторов. В частности, в российских городах немало мест, транслирующих память о Великой отечественной войне, которая затронула судьбы многих городов и их жителей. С другой стороны, в городах существуют места памяти, которые хранят в себе образы других сражений, имеющих социальную значимость для тех, кто был непосредственно причастен к данным событиям. Так, «значение мест памяти об афганской войне имеет закрытый характер, то есть не поддается расшифровке теми, кто не включен в контекст афганского опыта» [Стрельникова, 2012, с. 237].

д) Места памяти города мы можем отнести к разным типам *исходя из видов знаковых референтов (объектов идентификации)*, на которых строится символическая связь с местом памяти. Как минимум, следует выделить следующие возможные типы мест памяти города:

- память «гениев места» (места, хранящие память о выдающихся личностях, которые так или иначе связаны с городом);
- память сражений и боевых действий (места, в которых горожане чтят фрагменты памяти, связанные с победами, завоеваниями, утратами и пр.);
- память истоков (места, которые рассказывают о началах и зарождении города, народа, страны и пр.);
- память традиций (места, свидетельствующие о торговых, ремесленных, правовых, творческих, научных и прочих традициях, с которыми связывается городское прошлое).

е) Наконец, *по способам крепления символической связи между местом памяти города и событием прошлого* (скрепляющей означаемое с означающим), места памяти города могут быть официально утвержденными на уровне городской власти (в официальных названиях улиц, памятников и пр.) и неформальными (например, быть значимыми для молодежной субкультуры).

Следует подчеркнуть, что представленная типология мест памяти города условна и не позволит выявлять «чистые типы» мест, более того, одно и то же место памяти города может быть отнесено к разным типам в зависимости от исходного критерия. Кроме того, она не является исчерпывающей, поскольку существуют и другие основания для типологии мест памяти города. Например, места па-

мента города могут быть актуальными (хранящими еще свежие следы прошлого) и латентными (сокрытыми для современников значениями из-за временного лага или в результате деактуализации), а также быть плотно вписанными в практики города (туризм, городские праздники) или быть частью городского ландшафта и создавать символическую ауру, дух места, а также быть местами скорби или поклонения.

Заключение

Подводя итог сказанному, отметим, что места памяти города – это локализованный фрагмент городского пространства, хранящий и транслирующий образы городского прошлого. Места памяти города всегда символически, они манифестируют ценность прошлого и являются носителем идентификационного кода города, формируя отличия города и коллективные представления о его уникальности через переживание и воображение транслируемых образов. Осмыслить и систематизировать многообразие мест памяти города позволяет не только взгляд на специфику городов, но и типология мест памяти города. Типы мест памяти города могут выделяться в зависимости знаковых средств кодирования места памяти города, способов локализации места памяти в городском пространстве, способов возникновения мест, уровня социальной значимости фрагмента памяти для горожан, видов знаковых референтов (объектов идентификации), способов крепления символической связи между местом памяти города и событием прошлого. Данная типология является теоретической гипотезой и, поэтому, может быть расширена и дополнена, в том числе, в результате дальнейших эмпирических исследований мест памяти в различных городах.

Библиографический список

1. Алексеева Е. В. Русская Америка: акторы, места и формы культурной памяти // Журнал Фронтирных Исследований. 2020. № 2. С. 93–121.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. Вальдман И.А. Феномен мемориального пространства города: основные подходы к изучению / И. А. Вальдман, Е. А. Красильникова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. № 10, Т. 3А. С. 137–146.
4. Веселкова Н. В. Места памяти в молодых городах / Н. В. Веселкова, Е. В. Прямыкина, М. Н. Вандышев. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 394 с.
5. Головашина О. В. Места памяти: между метафорой и концептом // Социология власти. 2022. Т. 34. № 1. С. 18–38.
6. Ерохина Т. И. Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5 (114). С. 269–274.
7. Жердева Ю. А. Чувство места как категория социальной памяти // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 2. С. 5–11.
8. Замятин Д. Н. Пространство и гетеротопия: к семиотике метагеографического воображения // Человек: Образ и сущность. 2020. № 1 (41). С. 29–52.
9. Злотникова Т. С. Человек, война, культурная память (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне) // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3 (114). С. 200–208.
10. Йейтс Ф. А. Искусство памяти. Санкт-Петербург : Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. 489 с.
11. Лотман Ю. М. Доклад 13 марта 1981 года в Тартуском государственном университете // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. № 2(13). С. 10–23.
12. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 328 с.
13. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 132 с.
14. Портнягина М. Д. Роль «мест памяти» в формировании образа города на примере Санкт-Петербурга // Россия и мир в исторической ретроспективе : материалы XXIX международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга. В 3 т. 1 Т. Санкт-Петербург : Издательство СПГУТД, 2023. С. 350–357.
15. Стрельникова А. В. «Места памяти» в городском пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2(82). С. 231–238.
16. Федотова Н. Г. Визуальные носители культурной памяти города (на примере Великого Новгорода) // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 2 (20). С. 42–62.
17. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва : Новое издательство, 2007. 346 с.
18. Assmann J. Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance, and political imagination, 2011. 319 p.
19. Assmann A. One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel // Memory Studies. Vol. 11. № 3. 2018. pp. 287–300.
20. Augé M. Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité. Paris Seuil, 1992. 155 p.

21. Gao B. The Effect of Memory Construction of Cultural Landmarks on Urban Development. Proceedings Of The 2nd International Conference On Architecture: Heritage, Traditions And Innovations, 2020. pp. 426–432.

22. Hussein F., Stephens J. & Tiwari R. Cultural Memories and Sense of Place in Historic Urban Landscapes: The Case of Masrah Al Salam, the Demolished Theatre Context in Alexandria, Egypt. Land, № 9(8), 2020. 264 p.

23. Nora P. From lieux de mémoire to realms of memory. In Nora P., Lawrence D.

24. Kritzman eds Realms of Memory: Rethinking the French Past. 1996. Vol. 1: conflicts and divisions. N. Y. ; Chichester : Columbia University Press. 1996.

25. Olick J. The sins of the fathers. Germany, Memory, Method. Chicago : The University of Chicago Press. 2016.

26. Prata MCRQ. Memory stones: urban and cultural heritage in Campos dos Goytacazes. Patrimônio E Memória, № 16 (2), 2020. pp. 444–468.

Reference list

1. Alekseeva E.V. Russkaja Amerika: aktory, mesta i formy kul'turnoj pamjati = Russian America: actors, places and forms of cultural memory // Zhurnal Frontirnyh Issledovanij. 2020. № 2. S. 93–121.

2. Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika = Long shadow of the past: Memorial culture and historical politics. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.

3. Val'dman I. A. Fenomen memorial'nogo prostranstva goroda: osnovnye podhody k izucheniju = The phenomenon of the memorial space of the city: the main approaches to study / I. A. Val'dman, E. A. Krasil'nikova // Kontekst i refleksija: filosofija o mire i cheloveke. 2021. № 10, T. 3A. S. 137–146.

4. Veselkova N. V. Mesta pamjati v molodyh gorodah = Places of memory in young cities / N. V. Veselkova, E. V. Prjamikova, M. N. Vandyshev. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2016. 394 s.

5. Golovashina O. V. Mesta pamjati: mezhdu metaforoj i konceptom = Places of memory: between metaphor and concept // Sociologija vlasti. 2022. T. 34. № 1. S. 18–38.

6. Erohina T. I. Fenomen pamjati v massovoj kul'ture: kontrpamjat' i postpamjat' v otechestvennom kinematografe = The phenomenon of memory in mass culture: counter-memory and post-memory in domestic cinema // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2017. № 5 (114). S. 269–274.

7. Zherdeva Ju. A. Chuvstvo mesta kak kategorija social'noj pamjati = Sense of place as a category of social memory // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. 2015. № 2. S. 5–11.

8. Zamjatin D. N. Prostranstvo i geterotopija: k semiotike metageograficheskogo voobrazhenija = Space and heterotopy: to the semiotics of metaheographic

imagination // Chelovek: Obraz i sushhnost'. 2020. № 1 (41). S. 29–52.

9. Zlotnikova T. S. Chelovek, vojna, kul'turnaja pamjat' (k 75-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne) = Man, war, cultural memory (to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 3 (114). S. 200–208.

10. Jejts F. A. Iskusstvo pamjati = The art of memory. Sankt-Peterburg : Fond podderzhki nauki i obrazovanija «Universitetskaja kniga», 1997. 489 s.

11. Lotman Ju. M. Doklad 13 marta 1981 goda v Tartuskom gosudarstvennom universitete = Report held. March 13, 1981 at Tartu State University // Slovo.ru: baltijskij akcent. 2022. № 2(13). S. 10–23.

12. Nora P. Mezhdu pamjat'ju i istoriej. Problematika mest pamjati = Between memory and history. Memory issues // Francija – pamjat'. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPb. un-ta, 1999. 328 s.

13. Ozhe M. Ne-mesta. Vvedenie v antropologiju gipermoderna = No places. Introduction to the anthropology of hypermodern. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 132 s.

14. Portnjagina M. D. Rol' «mest pamjati» v formirovanii obraza goroda na primere Sankt-Peterburga = The role of «places of memory» in the formation of the image of the city on the example of St. Petersburg // Rossiya i mir v istoricheskij retrospektive : materialy XXIX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, k 320-letiju osnovanija Sankt-Peterburga. V 3 t. 1 T. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo SPGUTD, 2023. S. 350–357.

15. Strel'nikova A. V. «Mesta pamjati» v gorodskom prostranstve «Memory places» in urban space // Vestnik RGGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie. 2012. № 2(82). S. 231–238.

16. Fedotova N. G. Vizual'nye nositeli kul'turnoj pamjati goroda (na primere Velikogo Novgoroda) = Visual media of the cultural memory of the city (on the example of Veliky Novgorod) // Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki. 2019. № 2 (20). S. 42–62.

17. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamjati = Social framework of memory. Moskva : Novoe izdatel'stvo, 2007. 346 s.

18. Assmann J. Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance, and political imagination, 2011. 319 r.

19. Assmann A. One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel // Memory Studies. Vol. 11. № 3. 2018. pp. 287–300.

20. Augé M. Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité. Paris Seuil, 1992. 155 p.

21. Gao B. The Effect of Memory Construction of Cultural Landmarks on Urban Development. Proceedings Of The 2nd International Conference On Architecture: Heritage, Traditions And Innovations, 2020. pp. 426–432.

22. Hussein F., Stephens J. & Tiwari R. Cultural Memories and Sense of Place in Historic Urban Landscapes: The Case of Masrah Al Salam, the

Demolished Theatre Context in Alexandria, Egypt. Land, № 9(8), 2020. 264 p.

23. Nora P. From lieux de mémoire to realms of memory. In Nora P., Lawrence D.

24. Kritzman eds Realms of Memory: Rethinking the French Past. 1996. Vol. 1: conflicts and divisions. N. Y. ; Chichester : Columbia University Press. 1996.

25. Olick J. The sins of the fathers. Germany, Memory, Method. Chicago : The University of Chicago Press. 2016.

26. Prata MCRQ. Memory stones: urban and cultural heritage in Campos dos Goytacazes. Patrimônio E Memória, № 16(2), 2020. pp. 444–468.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023; одобрена после рецензирования 19.10.2023; принята к публикации 22.11.2023.

The article was submitted 21.09.2023; approved after reviewing 19.10.2023; accepted for publication 22.11.2023.